

Дмитрий Кусонский
**Дальше -
что?!**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Кусонский

Дальше - что?!

<https://litres.ru/74650224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Привычный нам мир вот-вот закончит своё существование - неожиданно, без всяческих на то видимых предпосылок. Обыденная, полная проблемами, интригами, обидами, неудовлетворённостью собственной судьбой жизнь большинства персонажей данной книги уже очень скоро станет совсем другой. В стремлении к выживанию в новых условиях человеческая сущность каждого обнажится с особенной, максимальной силой. И что же наиболее ужасным окажется по итогу - сверхъестественные, почти в каждом случае не объяснимые явления и вещи или же всё-таки человеческое естество..?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	21
Обед висельника	21
Глава 2	38
Неприятности "крутого"	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Кусонский

Дальше - что?!

Пролог

Степень благодарности выросших детей к своим родителям бывает разной – от вселенской любви до полного презрения. И состарившимся папам и мамам из категории нелюбимых своими повзрослевшими чадами, почти в каждом конкретном случае, конечно же, известно, за что именно они удостоились такого от жизни наказания.

Отцы-дебоширы и матери, всю жизнь занимающиеся лишь собою, совершенно не интересующиеся нуждами сыновей и дочерей – всё это, хотя бы есть объяснение первопричин подобных отношений между поколениями. Деяние – расплата.

Расплата за деяние.

В детстве же Данила ничего подобного и близко не было. Его мать по отношению к своему единственному ребёнку всегда была очень заботлива и добра. У всякого постороннего человека, соседа ли, просто знакомого, не могло бы и в мыслях закрасться по этому поводу даже самого малейшего сомнения.

Однако же, чем старше становился сын Лилии Глик, тем

с каждым годом она всё явственнее и явственнее ощущала его отдаление от себя. В восемь лет мальчишке уже перестали нравиться её обнимания, поцелуи в макушку; в десять – Данил старался сделать всё наперекосяк, не слушался и был нем к любым маминым увещеваниям.

В тринадцать он в первый раз вслух осмелился назвать свою мать... сукой.

Сукой!

Учительница математики, нажаловавшаяся в телефонном разговоре Лилии о том, что её ребёнок совершенно отбился от рук: мало, что учиться перестал, так ещё и вызывающим поведением едва ли не срывает почти каждый урок, стал основанием для того, чтобы хотя бы уже сейчас начать предъявлять к Данилу серьёзные претензии. И на этот раз не просто увещеваниями, слезливыми просьбами перестать делать всё назло. А рубануть сплеча уже действительно настоящими санкциями.

«Пока не сделаешь алгебру и домашнее задание по английскому языку, компьютер, чтобы не включал!».

Это, несмотря на очень строгое выражение голоса Лилии, приказание, на самом деле, было только лишь лёгкой угрозой, и, если бы Данил тотчас бы не исполнил его, то она бы ни за что себе не позволила, к примеру, подойти и перед носом ребёнка выключить монитор или выдрать силовой кабель из розетки. Нет, вместо этого Лилия бы, скорее всего, периодически заглядывала б в детскую комнату, и просто напоми-

нала б о том, что игры играми, но и про учёбу-то ведь тоже забывать никак нельзя.

Так было бы, если бы не это:

- Сука!

Как выстрел в полной тишине. Как проблеск длиннющей змееобразной вовсю ширь от горизонта до горизонта молнии на абсолютно ясном небе!

- Сука! Сука! Сука! – затрещала в голове матери беспощадная пулемётная очередь. – Сука! Сука! Сука!

И ещё этот торжествующий оскал обозлённого тринадцатилетнего подростка, вбуравившийся в неё с приоткрытым, искривленным и от злости, и от презрения ртом, готовым повторить это бранное слово снова.

И снова, и снова, и снова...

И снова...

Наверное, мёртвенная бледность застывшего, окаменевшего лица матери, её покачнувшееся, опёршееся на дверной косяк тело, казалось бы, готовое в любой момент рухнуть на пол от невыносимой боли, не физической, конечно же, совсем от другой боли, остановило дальнейший поток готовых вот-вот вырваться ругательств из уст мальчишки.

Сам он, безусловно, знал каких именно – слов. Эти слова он уже сто тысяч раз «влепил», как пощёчины своей матери. Мысленно. Ни разу в своей жизни вслух. Только мысленно! Разве что с шевелящимися губами, но не более того: без звука, без шёпота. Всегда без звука и всегда без шёпота! Эти

слова давно уже были слоганом его черепной коробки, серого вещества мозга. Это, как, типа, вроде какой-нибудь старой рекламы по телевизору: «Молоко вдвойне вкусней, если это Milky Way», «Попробовав раз, ем и сейчас», «Свежее дыхание облегчает понимание»...

Слоганом же Данила была давно уже и чётко выработанная последовательность слов и словосочетаний совсем иного характера. С выше представленными примерами рекламы они никак не были похожи, безусловно. А походили больше... на молитву. В определённой степени! А именно в вариантах, когда цепочка выстроенных в строгой последовательности слов из раза в раз повторялась их автором.

Ну, так вот, в своём повествовании истории детства Данила мы остановились на неимоверно драматическом моменте, прервали самую кульминацию случившегося тогда, тринадцать лет тому назад события, развязку вспыхнувшего конфликта поколений в лицах подростка и его мамы.

Лилии Глик, едва ли удержавшейся тогда на ногах от такого «удара» со стороны своего единственного и горячо любимого ребёнка, в следующий момент грозил-то ведь ещё более убийственный нокаут с его стороны.

Лишь в самый последний миг, когда губы Данила, язык и горло уже были готовы впервые в жизни при родной матери излить ядовитую желчь на неё именно голосом, именно вслух, что-то его всё-таки... остановило. На самом краешке пропасти парнишка так и оставил стоять поражённую своим

поступком маму.

Он опять в какой-то там стотысячный или может быть даже уже в сто тысяч миллионный раз повторил в уме, опять только в уме (!), выжженную калёным железом в своей голове страшную мантру:

- Сука! Сука! Сука! Грязная сука! Вонючая сука! Шлюха! Шлюха! Шлюха! Тварь! Тварь! Тварь!

Данилу хотелось заорать. Так заорать, чтобы слышно было не только в соседнем подъезде их девятиэтажки. Испустить звуки во весь опор лёгких и горла. Чтобы каждый человек хотя бы этого чёртового города узнал бы о том, какая на самом деле его мама – дрянь...

Если бы не она, если бы только не она, если бы только не эта проклятая тварь, то не случилось бы однажды той ужаснейшей трагедии с отцом.

И всё-таки что-то остановило мальчишку. Он опять ничего не сказал, из того, что постоянно порывался излить, своей матери вслух. Он снова затаил в себе свою главную животрепещущую тайну. Тайну про то, что он всё, наконец, понял. Теперь-то уже в свои тринадцать лет абсолютно точно понял всё.

Когда Данилу было ещё лет пять, Лилия так и продолжала водить сына на прогулки во двор, хотя некоторые другие родители малышей легко и безо всякого опасения бросали такое обременительное занятие гораздо раньше. Если кому-то требуется тому подтверждение, то, пожалуйста, сегодня или

завтра обратите внимание на любую детскую площадку, на которой играет малыш, и там вы точно увидите девочек и мальчиков, уже лет с четырёх обходящихся без сопровождения взрослых.

Нет, Лилия Глик так легкомысленно и в крайней степени безответственно по отношению к собственному ребёнку поступать, конечно же, не могла. Она была просто обязана появляться тут же рядом с сыночком: когда он чересчур резво, по её мнению, катился с горки, когда падал на бегу, раздирая коленки, рыдая от ушибов, или, не дай бог, когда на площадку являлся какой-нибудь хулиганистый несносный сорванец с явным намерением почесать об кого-нибудь свои хилые маленькие кулачонки.

Вот она примерная мать, заботящаяся о сыне. И так думали окружающие.

Но не все окружающие.

Кое-кто был осведомлён и про «грязное бельё» такой всей из себя добродушной, жизнерадостной, активной молодой мамочки.

Что тут сказать? В классическом понимании ситуации, выражаясь языком простонародным, кому-нибудь надо было бы прямо указать Лилии на то, что в любых вопросах, а уж тем более в любовных, думать нужно-то уж точно не передком, а тем местом, которое на плечах болтается.

Да, ей и говорили.

Подруга, тётя Полина, так та постоянно твердила эти свои

предсказания про надвигающуюся беду:

- Ой, Лилька, натворишь ты дел! Нашла, дурочка, с кем гулять – с соседом по двору! Этот Ромка. Да на нём же клейма некуда поставить!

Это тётя Полина так про дядю Рому, некоторое время назад приводившего на площадку двух своих сыновей погодок. Потом же, когда жена от дяди Ромы ушла, он всё равно так и продолжал заявляться на детскую площадку, но уже, понятное дело, сам. Вроде бы без особой цели, переброситься с мамой Данила парой-другой малозначащих фраз: про повысившуюся плату за коммунальные услуги, про выигравший вчера «Спартак», про разбитую недавно бутылку водки старым местным алкашом дедом Игнатом прямо на крыльце Продмага, про аварию маршрутки с дорогой легковушкой на кольце...

И вот именно к Лилии, а не к кому-нибудь ещё из других мамочек или папочек он «присесть»-то на уши каждый раз и спешил.

Не зря. Потуги даром не пропали, увенчались успехом.

С некоторого времени Лилия Глик начала на часик, а то и другой оставлять Даньку под присмотр тёти Полины. Сыну могла объяснить так:

- Сыночек, я ненадолго уйду. Ты с тётей Полиной побудь, ладно? Мне дяде Роме нужно помочь. Я постараюсь вернуться, как можно скорее.

В другой раз уже самой маме Данила нужна была позарез

какая-то помощь от дяди Ромы.

В какие-то разы вместе с дядей Ромой Лилии нужно было сбегать помочь: то какой-то очень-очень старенькой бабушке, то дедушке на костыликах, то очень, преочень большой-пребольшой девочке, то...

Не было в фантазиях у помощников ни конца ни края, ни совести и ни стыда.

Пока не случилось что-то, что несмышлёный ум пятилетнего Данила тогда ещё не мог осознать. Ребёнок всё поймёт и осознает лишь спустя годы, сопоставив в своей цепкой памяти события и сказанные взрослыми слова.

Кому именно в тот не совсем тёплый и не совсем погожий осенний день опять донельзя срочно понадобилась помощь доброго отзывчивого дяди Ромы и мамы, Данил позабыл и никогда в будущем не сумел вспомнить. Может быть, теперь надо было снять кошечку с высокого до неба дерева или слепого перевести через подземный переход, чтобы на ступенях он себе ноги не переломал – оно, сказать-то по чести, и неважно вовсе.

Тут другое.

Тут, на этот раз, совершенно иначе, чем всегда повела себя тётя Полина.

- Лилька! – отойдя с полюбовничками в сторонку от детской площадки и от лишних ушей, сурово выставив вперёд указательный палец, засверкала искрами в глазах тётя Полина. – Я – всё! Я с этими вашими блядками завязываю всерьёз

и окончательно!

- Да ну, ты что, Поля? - как будто какая-то наивная дурочка, ничего не понимающая, с наигранным смешком в голосе, правда, без малейшей тени раздражения, а лишь с полным простодушием, залепетала в ответ Данина мама. – Нам с Ромой нужно просто сходить купить... этой... водички мы хотим. Да, Ром?

Дядя Рома торопливо закивал головой, что да, именно так оно и есть. И больше никаких других дел – только что водичкой в магазине закупиться им с Лилией-то и нужно.

- Мне мой Толя вчера знаешь, что сказал?! Какими словами он меня обзывал?! – вид тётке Полины становился всё свирепее. – И предупредил, если только я ещё раз соглашусь присмотреть за твоим Данькой, пока вы там где-то кувыркаетесь, он меня...

- Полечка, ну Данил же нормально себя ведёт.

- Лиль, ты реально тупая, что ли?!

- Послушай, - с добродушной улыбкой попытался вклиниться в разговор двух женщин дядя Роман. – Ты это...

- А ты вообще рот свой закрой! – теперь уже окончательно вышла из себя тётя Полина, бесстрашно отталкивая выше себя почти на голову мужика. – Отошёл отсюда! Отошёл, я тебе сказала!

На детской площадке все обернулись на крик.

И прохожие тоже. Молодая парочка, несущая с рынка большой пакет с картошкой, - светловолосая девушка в си-

них суженных к низу джинсах и низкорослый смуглый парень армянской внешности, - без утайки рассмеялись. Следом семенящая за ними короткими шажочками грузная дамочка с объёмной ярко-рыжей шевелюрой, так лишь, осуждающе покачала головой.

- Бессовестная, - это уже едва различимая негромкая реплика кого-то с площадки. Голос женский, очень рассерженный.

Тут же нецензурное слово мужским голосом и тоже с детской площадки.

- Серёжа, не при детях, - это одна из мамочек до недавнего времени ну, так мило, прямо-таки соловьём, ворковавшая до прихода дяди Ромы с Даниной мамой.

- Лиля, - продолжала между тем тётя Полина, уже спокойнее, встав спиной к отошедшему чуть поодаль дяде Роме, потрепав рукой волосы маленького Дани, вцепившегося обеими руками за ноги своей мамы. – Ты вообще не купаешь, что происходит?

- А что?

- А то, что о тебе все говорят, что ты с этим своим хахалем стыд всякий потеряла.

- Кто рассказал?! – изумлённо вытаращилась Лилия.

- Точно идиотка! А что, так не понятно, что ли?! Каждый день почти у всех на глазах сваливаешь с этим плешивым.

- Кто говорит про это?

- Да весь ГРЭС! Весь ГРЭС про всё давно знает! Ну, мой

Толя-то откуда-то узнал, кто-то ж рассказал ему. И Сашка, что на Газели ездит в курсе, и Людка Гайворонская, и девки в рыбном лабазе. Да все!

- Какое всем дело? Пусть за собой смотрят, а не за мной.

Последнюю фразу ославленная на всю округу Лилия Глик сказала уже едва слышно и затравленно.

- Мама, я хочу кушать, - вывел женщину из оцепенения голос пятилетнего сына. – А дядя Рома мне сегодня конфеток не принёс?

- Господи, - бессильно махнула рукой тётя Полина и пошла.

- Пойдём домой, Данечка.

- Хорошо, мам.

- Лиля... - дядя Рома выглядел уже не как майская улыбающаяся роза, а озабоченно.

- Сегодня никак. Пока.

- Лиля! Пусть малой в соседней комнате на приставке поиграет. Я «Супер Марио» поставлю и в залу дверь подопру. На всякий случай. Не волнуйся.

- Я тебе что, кусок мяса, что ли?! Ты не видишь, ты не понимаешь, что происходит сейчас?!

С этими словами Лилия Глик схватила за руку своего ребёнка и рванула вместе с ним прочь – подальше от детской площадки со всеми этими осуждающими её лицами, усмехающимися, обзывающими последними ругательствами.

И от дяди Ромы тоже. Что поделаешь, сегодня оказался

совершенно не его и не её день.

Нет, в большей степени всё-таки не её.

Потому что продолжилась та мерзопакостная история сразу же и по возвращении домой.

В свои нынешние двадцать шесть лет сам Данил далеко не всё помнит из разразившейся тогда отчаянной ругани отца с матерью. Громче, что только было сил орал, в основном, отец. Мать же лишь в самом начале, когда только-только переступила порог квартиры и наткнулась на обрушившийся на неё обвинительный ор. После она была совершенно тиха и, мало того, какая-то необычайно спокойная. Как дерево. Или как камень. Тот, так вообще можно хоть даже ногами пинать, он всё равно так и сохранит свою каменную невозмутимость.

Видимо, шоковое состояние пятилетнего ребёнка, ранее никогда не видевшего такой агрессии взрослых и стало причиной последующей «замыленности» его памяти о том злополучном дне.

Крики отца были долгими. Долгими и страшными для мальчика. Ему казалось, что папа вот-вот изобьет маму. Вот-вот накрепко сжатые в кулаки огромные ручища выбьют из маленькой, хрупкой и миниатюрной мамочки весь её дух. Папа-то был намного выше, а его широкоплечая фигура для малыша, так и вовсе порой создавало некое волнительно-сказочное ощущение, что будто бы он сам сын не обычных родителей, а великана и принцессы.

Да, это был тот самый день в жизни Данила, когда ранее созданный его наивными и доверчивыми детскими фантазиями мир был разрушен начисто, до основания, стёрт в самый мелкодисперсный порошок.

Буйство отца, которое казалось, вообще никогда не закончится, вдруг в какой-то самый неожиданный момент сменилось безудержными рыданиями. Именно, что сменилось, а не было ненадолго прервано или рыдание это зазвучало на фоне громогласных криков. Потому как рыдала-то не мама, всё также вызывающе-окаменело продолжавшая сидеть в кресле с закинутой ногой на ногу, со сложенными крест-накрест руками, вцепившимися ладонями в собственные плечи. Отчаянно-горестно и ничтожно-униженно, со стекающими по сильно покрасневшемуся лицу крупными крокодиловыми слезами, плакал сам Он – Великан-отец.

Только теперь, в эту самую минуту, это был совсем маленький великан, и близко не похожий на прежнего громилу. Такое в сказках сотворить может только ведьма. Потом её обязательно кто-нибудь победит и всё снова станет прежним: мама опять вернёт себе облик весёлой и лучезарной принцессы, а папа вновь обретёт потерянную, заколдованную мощь.

Да, жизнь так не похожа на те добрые сказочные истории, которые каждый читал в детстве.

Жизнь – штука страшно непредсказуемая.

Жизнь – испытание от самого рождения и до ухода в иные

неизведанные миры.

Страдания и боль познав,

Я ухожу миры иные.

Не дописав, не добежав

В долины счастья луговые...

После рыданий отец ушёл из дому. На дачу. Чуть успокоившись, шмыгая носом, растирая по лицу мокроту, он сказал маме, что не может больше здесь оставаться и поэтому пока поживёт там. Папа хотел было уйти безо всяких вещей. Но мама, резко выйдя из состояния столь долго продолжавшегося оцепенения, бросилась услужливо складывать его вещи в тёмно-зелёный с большой хромированной ручкой чемодан на колесиках. И теперь уже слёзы катились по её щекам.

И пусть чёрт раздерёт на куски того, кто только скажет, что, то не были слёзы с мольбой о прощении!

Не было произнесено при этом ни одного слова, ни междометья. Но были просящие всхлипы, вздохи, были глаза, умоляющие простить. И ещё эта настырная, эпатажная, неуместная, неуклюжая услужливость в собирании вещей отца. Аккуратно сложенная и уложенная в чемодан рубашка трясущимися руками – тут же поднятый на него заклинающий выпрашивающий взгляд; аккуратно сложенная и уложенная в чемодан почти новая чёрная футболка с серебристым принтом львиной оскаленной пасти – новая попытка сказать глазами, то, что языком было бы выразить, наверное, в нынешней ситуации уже никак нельзя.

Ушёл муж Лилии Глик совсем как-то по-тихому. Входной дверью он не то, что не хлопнул, а наоборот, как никогда плавно, почти по нежному прикрыл. Лилию, кажется, это напугало. Она вся съежилась, согнулась, почернела. Что-то невнятное пробормотала всё ещё по-прежнему перепуганному сыну. Невозможно было разобрать что. Затем лоб её перерезала морщина задумчивости, нижняя губа мелко-мелко задрожала.

Лилия шатающейся походкой побрела в спальню, упала на кровать, как подкошенная. Несколько часов её словно бы не было на этом свете.

Немая тишина, пугающая, вся какая-то наэлектризованная установилась в замершей квартире.

Ребёнок, спрятался в шкафу. Так и просидел там с закрытыми глазами, с прикрытыми ладошками ушами до тех пор, пока дверцу не открыла мать.

Уже почти что прежняя – с живыми, хоть и очень грустными глазами, даже с ободряющей ласковой улыбкой, обращённой к малышу.

Лилия смогла успокоить Данила проявленной к нему материнской нежностью и обещаниями, клятвенными обещаниями в том, что всё постепенно наладится, что папа обязательно однажды снова вернётся домой.

Лилия дала мужу время. Навскидку, согласно не всё забывшей детской памяти, около недели. Но это не точно. Может быть и больше она не совалась на дачу, всё ожидая,

по-видимому, что отец Данила решится сделать шаг для примирения первым.

На улицу с ребёнком всё это время она выходила редко, и то, не ради прогулок, а чтобы сходить в магазин за продуктами, вынести из дому мусор.

Так и не дождавшись возвращения супруга, Лилия в какой-то из дней решила, наконец, сама заказать такси для поездки в дачный посёлок. Ребёнка ей пришлось взять с собой. Оставить не с кем, да и само присутствие малыша, не могло ж не оказать благотворного влияния на её скорые усилия для семейного примирения.

Ой, как же Лилия ошиблась тогда!

Несмотря на середину октября, погода в том году установилась вполне себе жаркая и совершенно безветренная. Бабье лето.

Дверь в дачный домик оказалась незапертой. Посреди дня это было, в принципе, естественно: если хозяева находились внутри или на своём участке. Ну, а где же ещё мог находиться-то отправившийся в уединение, преданный женой мужчина?

Было бы иначе, так его можно было бы вполне и за ответной изменой заподозрить.

Иное испугало Лилию – запах.

А точнее застоявшийся смрад замкнутого помещения. Как только она открыла дверь, тут же почувствовала невыносимую вонь. Такую, что моментально заслезились глаза,

перехватило дыхание.

- Мама, тут плохим пахнет, - захныкал Данил.

Но Лилия его не услышала, она уже рванулась в дом.

Папа был в маленькой комнате.

Не сидел, не стоял...

Папа висел.

Висел на толстом джутовом канате, едва ли цепляясь вытянутыми в направлении пола посиневшими пальцами ног за ножки валяющегося тут же прямо под ним деревянного стула, обитого старым, тёмным, сильно потрескавшимся дерматином.

Ребёнок, вошедший в дом следом за матерью, увидел своего отца издали, через распахнутую межкомнатную дверь. И всё равно, прежде чем Лилия опомнилась, и бросилась к Данилу, чтобы вывести его обратно на улицу от этого ужаса, он услышал её полный отчаянной горечи вскрик:

- Зачем?! Зачем?! Я никогда бы тебя не бросила! Никогдаа...

Глава 1

Обед висельника

Данилу позвонили из Ленна, его родного городка. На смартфоне высветился номер матери. И прежде, чем принять звонок, он тихонько, так, чтобы не услышала б ненароком Катерина, засевшая в туалете со своим любимым приложением маркетплейса на недавно купленном Айфоне, скороговоркой выпалил традиционное ругательство ещё из своих подростковых лет. Ту самую, выжженную калёным железом в своей голове мантру, начинающуюся со слова «Сука» и заканчивающуюся словом «Тварь».

Только после этого важного для себя ритуала Данил провёл пальцем по экрану, чтобы соединиться с абонентом.

На удивление он услышал голос незнакомого мужчины, представившегося главврачом Областной клинической больницы города Ленна.

Первое, что спросил доктор, не является ли случайно Данил сыном Лилии Альбертовны Глик. В памяти её телефона его номер был подписан, как «Данечка-сыночек», что и дало более чем весомое основание для этого предположения.

- Случайно являюсь, - ответил Данил без тени беспокойства в интонации.

Хотя нехорошее предположение у него уже на этот момент всё-таки зашевелилось в душе.

- Ну, тогда крепитесь. Мы сделали всё от себя зависящее, но, к сожалению, прогрессирующая раковая опухоль не оставляет больше никаких надежд. Непоправимое может случиться в любой момент, поэтому, чтобы вам успеть попрощаться с мамой... придётся, как можно скорее приехать в клинику.

Данил вздохнул, откинулся на спинку дивана, убавил почти до «нуля» громкость телевизора.

- Господи, как это неожиданно всё. Я ж не в Ленне нахожусь, а в Москве. Мне понадобится время – день или два. Ещё с работы отпроситься придётся.

- Почему ж неожиданно? Пациентка прибыла к нам в стационар уже с метастазами. С метастазами! Ей нужна была операция ещё, хотя бы, год тому назад. Даже ещё гораздо раньше! Почему она не оперировалась? Как же так?!

- Честно говоря, я вообще не в курсе. Она... она... ну, мама, в смысле, никогда ни про что такое не жаловалась.

- Ясно, - коротко ответил главврач, судя по тону, сделавшему для самого себя какой-то вывод относительно сына умирающей больной.

Катерина вошла в комнату как раз в тот момент, когда Данил закончил телефонный разговор. Вся сияющая, в своём новом атласном халатике, отлично подчёркивающим её стройную фигуру и довольно-таки немаленькую грудь. На

вытянутой руке она чуть ли не втиснула Айфон в его подбородок, включённый на карточке товара из маркетплейса. На картинке, над описанием и характеристиками, грациозно изогнув попку, хвасталась красными трусиками и бюстгалтером какая-то губастенькая модель.

- Или всё-таки вот эти?

Катерина листнула пальцем по экрану Айфона и теперь уже на новой картинке была всё та же милашка-очаровашка, но только, на этот раз, в нижнем белье тёмно-зелёного цвета, чуть-чуть по оттенку светлее халатика, который был сейчас на Кате.

- Чего ты такой странный? – Катя выключила экран и уставилась на Данила. – Изжога от яичницы опять?

- Нет.

- А что тогда?

- Из Ленна позвонили, из больницы. Мать, кажется... при-
смерти.

- Боже мой, боже! – запричитала Катерина, обвиваясь вокруг Даниной шеи. – Это так ужасно! Ну, так, а что теперь? Нужно в Ленн ехать?

- Конечно.

- А надолго?

Данил задумался, пожал плечами.

- Трудно заранее предугадать.

- Может, обойдётся?

- Врач категоричен. Считает, что ма... ма... матери, в

смысле, - ах, как же трудно давалось Данилу это слово!, - осталось жить от силы несколько дней.

Жалость и грусть, горечь и страдание – где же это всё?! Не про какого-то ж знакомого или дальнего родственника идёт сейчас речь. Про родную мать! И мать Данила в чём угодно можно было бы обвинять, кроме того, что она плохо заботилась о нём.

Отец? Да, камень преткновения, конечно же, он. Его трагическая смерть. Однако Данил очень мало что о нём помнил. Не было ни единого воспоминания, связанного с чем-то таким, что позволило бы сказать, что и папа был не менее заботливым и любящим родителем своего ребёнка, чем мать. Хотя, тут возраст Данила в те годы тоже ведь нельзя не учитывать – мало кто, что-либо помнит про себя и окружающих, когда ему было, к примеру, четыре или уж тем более годика три.

Хотелось бы обо всё этом ещё раз задуматься. В тысячный раз. В миллионный.

Хотелось?

Да, хотелось...

На этот раз не просто, а хотелось бы найти оправдания умирающей сейчас ма... ма... маме, чтобы заставить себя хотя бы немножко пожалеть её. Хотя бы чуть-чуть...

Но как же сделать это? Как?..

Как?! Как?! Как?!

Как же выжечь из памяти пару чужих чёрных мужских

носков, обнаруженных однажды в маминой спальне под её кроватью уже после самоубийства отца, спустя всего-то несколько месяцев?! А в другой раз вечером после дворового футбола с друзьями смятую пустую пачку «Собрания» в мусорном ведре под кухонной мойкой. И это притом, что сама мать не курила никогда! Как забыть запах чужого мужика на её простынях и на подушках?! Как забыть рубашку отца на дяде Роме, на которой вместо обычных пуговиц на рукавах были такие узнаваемые тёмно-синие запонки?! Засос на материной шее и подслушанный ночью её откровенный разговор по телефону поводу того, что в последний раз было так здорово ЭТИМ заниматься, как никогда раньше, что экспериментировать оказалось, здорово-то как!

А разговор о важном – что папы нет, может Данилу стоило бы задуматься о том, чтобы завести нового...

Она же гуляла и дальше, и после папиной смерти. Предávalа его, изменяла всё так же по-прежнему. Хотя и была намного осторожнее, делала это лишь тогда, когда была почти на сто процентов уверена, что сын не вернётся домой в самый неподходящий момент.

Над всем над этим Данилу было трудно сосредоточиться из-за Катерины, она, ну, вот никак не могла понять, что её мужчине в кои-то веки понадобилось побыть одному. И телевизор опять громко включила, и лезла с неприятными для Данила расспросами про его семью. Он-то ведь никогда и ничего ей не рассказывал. Да и сейчас тоже всеми силами

отмолчаться пытался. Ну, не совсем уж отмолчаться, потому что Катя теперь-то уже в такой ситуации этого ему бы не позволила. Просто отвечал кратко, общими словами: «Нормальные у нас были отношения с ма..., с ма..., ну, в смысле, с матерью», «Да, заботливая», «Нет, не часто ругала», «Да, хорошая», «Да, добрая», «Да, всегда слушался её» и так далее в духе идеального взаимопонимания матерей и сыновей.

... И всё равно, хотя бы уже сейчас, хотя бы сейчас, на грани нахождения мамы между жизнью и смертью Данилу для себя, для примирения со своей собственно душой, ему просто было нужно найти аргументы, которые бы позволили ему её... простить.

Так было нужно, что он за весь сегодняшний день, кроме одного единственного раза ещё утром, перед разговором с главврачом, больше дурацкую мантру-скороговорку свою ни в уме, ни шёпотом ни разу не повторил. Такого никогда не было. Такое было сегодня в первый раз.

Отвязаться от Кати Данил сумел только ночью. Она, прежде заранее десять раз извинившись, попросила у него «капельюшечку любви». Ну, то есть, молодой женщине так сильно захотелось с Данилом близости..., а может быть просто захотелось, что она, несмотря на не совсем, может быть, удобную для этого ситуацию, всё-таки добилась удовлетворения своей острой природной потребности от любимого мужчины. И, то ли эти горячие утешения, то ли два бокала выпитого за ужином пива, но что-то, наконец, её сморило, и

девушка мерно засопела рядышком на подушке.

Данил оценивающе посмотрел на Катерину. Нет, не на красоту вообще ничем сейчас неприкрытую, - в комнате было так натоплено батареей, что вполне можно было спать, ничем не накрываясь, хоть до самого утра - он оценивал в данную минуту рост второй половины (не официально до сих пор, но всё-таки ж половины), цвет Катиных волос, оттенок кожи... Конечно, в полутьме жилища, при выключенном свете, этого сделать было просто невозможно. Но он же не в первую ночь-то с ней, разглядывал её и раньше при более удобных для этого освещенных.

При почти полной противоположности во внешности Кати и мамы, - одна слишком худая с грудью, на первый взгляд, кажущейся слишком здоровенной для такого тощего тела и другой с полностью гармоничной немного полноватой фигурой, - были у них и некоторые общие черты. Как, например, цвет волос, смуглолицость, рост.

Для чего Данил сейчас это делал? Для чего сравнивал мать в том ещё в молодом возрасте, и свою любимую женщину? Он об этом и сам не знал. Как-то само собою получилось.

Само собою также получилось и то, что Данил, отодвинувшись на край кровати, мысленно представил себе Катю – мамой. А в это вот образовавшееся пространство прямо посередине постели он «положил» сейчас... дядю Рому. Непонятно почему дядя Рома залез в чистую постель, даже не потрудившись снять с себя ту самую папину рубашку с очень

узнаваемыми тёмно-синими запонками.

- Эй-эй-эй, чувак! – дядя Рома с зияющей в темноте беззубой улыбкой, помахал рукой Данилу. – Сколько зим!

И тут же перекувыркнувшись по цирковому через голову, – алле гоп!, – очутился сверху на маме... на Кате...

Или всё-таки на маме?

- Смотри, как жახать надо! – та же отвратительно зияющая улыбка на перекошенном от хвастовства лице.

Данил резко отогнал нарисованное фантазией видение. При помощи фантазии он с такой силой отшвырнул дядю Рома от Кати... от мамы..., что когда тот влетел в стену своею плешивою башкой, эта самая башка его разлетелась, будто на арбузные ошмётки. Ноги забились в предсмертной судороге, а мозги, обильно окровавленные мозги, стали стекать по стене на напольное ковровое покрытие.

Данил поспешил перелечь снова поближе к Кате. Так поспешил, словно, всерьёз опасался, что Дядя Рома, если только хотя бы немного промедлить, вновь может ожить и занять свободное место в постели.

Нечаянно пнул коленом выпяченную попку своей спящей принцессы.

- Данька, всё на сегодня! Спи, давай! – она натянула на себя кусочек одеяла, едва ли прикрыв ягодицы.

Данил досадливо закусил губу. Чуть сам всё не испортил своей неуклюжестью. Хотел же поразмыслить, подумать про жизнь, про мать. А вдруг Катя, проснувшись, сказала бы ему

совсем другое: «О, отлично! Я второй раз ещё сильнее хочу, чем в первый!».

Он предполагал, что полежит вот так вот с закрытыми глазами со своими мыслями, ну, и заснет в районе полуночи, в крайнем случае, в час ночи...

Но на электронных часах из позолоченного пластика, стоявших на журнальном столике, было уже начало третьего, а он всё ещё размышлял. Он всё ещё искал аргументы, которые помогли бы отстирать, очистить, обелить грязную репутацию мамы в своих глазах.

Наверное, окончательно сон навалился на Данила уже почти к самому утру.

Но сон не один, а вместе с невероятно страшным кошмаром. Ровно настолько же страшным, насколько и тупым.

- Сууу-кааа! Сууу-кааа! – с самодовольным видом полуразложившегося лица ожившего трупа, с посиневшими пальцами ног, едва ли касающихся валяющегося на полу перевернутого деревянного стула, обитого старым, тёмным и сильно потрескавшимся дерматином, громогласно снова и снова повторял ругательство отец.

Да, он был сейчас на своём месте – в маленькой комнате дачного домика, подвешенный при помощи толстого джутового каната к деревянной сильно запылённой балке под потолком. Но только на этот раз толком ни живой, ни мёртвый.

Мать, - молодая, как прежде, бойкая и полная жизненных сил мать, - в цветастом ситцевом летнем платице, хорошо

сшитом по фигуре, именно в тот самый, в котором она и была тогда, в тот злополучный трагический день, озабоченно сновала по комнате, махала отцу руками, жестами и словами требовала его немедленно замолчать.

Немедленно! Немедленно! Немедленно! Заааат-книись!!!

Но труп отца-висельника и не думал слушаться её. С умиленно-радостным и заморожено-счастливым видом он продолжал и продолжал свою заезженную пластинку:

- Сууу-кааа! Сууу-кааа!

Сууу – синюшные губы, с зияющей глубокой трещиной, из которой выползает противный белый червь, сложены трубочкой; кааа – в следующий миг во всю ширь раскрывается рот с чернящим толстым языком.

И снова в той же бесконечной краткоциклической последовательности.

Это как любой человек будет произносить что-нибудь более культурное, ну, например «изюююм». А затем «курааа-гааа».

Изюююм. Курааа-гааа.

- Сууу-кааа! Сууу-кааа!

- Пожалуйста, замолчи! – продолжала умолять, то рыдающая, то визжащая мать. – Данечка услышит!

Она сразу обеими дрожащими руками указывает на Данила, который такой как теперь, - не тот пятилетний малыш, а взрослый двадцати шестилетний мужчина, - каким-то

немыслимым образом уместился в своей старенькой кровати-малютке, с детской соской-пустышкой во рту. Он канючит нечто нечленораздельное, пытается выплюнуть соску, но сделать этого не может, никак у него это не получается, потому что та надёжно приклеена отцовским столярным клеем к губам.

- Сууу-кааа! Сууу-кааа! Сууу...

Мать бросилась к подоконнику, на котором стоит грязный заплесневелый трёхлитровый бутыль. С некоторым трудом просовывает руку в него. Рука зашла сначала на всю ладонь, затем по локоть, затем ещё глубже. Вот уже и плечо упирается в горловину. А она всё пытается что-то там выудить в мутной прокисшей воде с плёнкой мелких белесых пузырьков на поверхности. Бывает так, что один-единственный оставшийся огурец никак не получается достать, и тогда приходится изрядно повозиться вытянутыми пальцами или вилкой. Пикнули особенно в этом плане неудобные из-за своего маленького размера.

Но вот ей, наконец, удаётся что-то там обнаружить.

Мать резко выдёргивает руку из бутылки.

Лягушка!

Нет, скорее жаба: здоровенная, серо-коричневая, с большими красными глазами и чёрными разводами на спине. Она пытается выскользнуть из маленьких, но цепких женских пальчиков, барахтается кривыми мясистыми лапками.

Мать с жабой подбегает к висельнику-отцу, поднимает с

пола стул. Вскакивает на стул и впихивает амфибию ему в рот. Но она не лезет, потому что слишком большая. Приходится вдавливать жабу изо всех сил. Мать кряхтит от потуг. И всё-таки, в какой-то момент, проталкивает несчастное земноводное в самое горло сопротивляющегося, болтающего головой мертвеца.

... - ууу-ааа! Ууу-ааа!

До сих пор безжизненно болтающиеся вдоль висящего тела руки покойника вдруг резко оживают, и отец хватает мать за волосы.

- Дурак! – вопит оглушительно мама, и что есть мочи даёт мертвецу хлесткую пощечину. – Сын же всё видит! Данечка всё видит!

Она спрыгивает со стула, оставляя в каждом зажатом кулаке папы по клоку своих волос.

- ууу-ааа! Ууу-ааа! Ууу...

Отец неожиданно замолкает и, в первый момент кажется, что это он всё-таки внял маминым уговорам.

Но нет, то был только лишь рвотный спазм. Пищевод начал выпихивать жабу назад. Было видно, как она в шее трупа, рельефно выделяющимся комком, движется обратно. Рот с почерневшими зубами широко раскрывается и она живая-здоровая спрыгивает с языка на пол. Затем с удивительной прытью для своего массивного тела скачет прочь из комнаты.

- Сууу-кааа! Сууу-кааа! – не унимается ухмыляющийся,

снова жизнерадостный отец.

- Данечка же, Данечка! – свою, такую же заезженную пластинку продолжает «крутить» и мама.

Оглянувшись на сына, она ему ласково улыбнулась:

- Спи, маленький, спи. Мой сыночек, любимый, мой мальчик.

- Сууу-кааа! Сууу-кааа! – ещё сильнее прежнего радуется отец своей способности снова членораздельно сквернословить.

Мать хватает со стола, заваленного грудой полуистлевшей очень старой одежды... мышеловку. В ней бьётся пленённая за длинный тонкий розовый хвостик абсолютно белая мышка-альбинос. Теперь уже, оказавшись в маминых руках, они отчаянно пищит. Пищит до невыносимого визга. Так громко, что даже силой звука мешает Данилу слушать вещающего за то, что его мать «Сука», своего мёртвого отца.

Вскоре мышка оказывается там же, где и минуту тому назад жаба – в глотке папы. Но и с ней история повторяется – мёртвый организм висельника не принимает такую невкусную еду. Вместе с мышкой изрыгивается отвратительная на вид обильная с кровавыми сгустками мокрота.

- Платье! – как ошпаренная, отскакивает мама. – Ты мне его покупал, чтобы пачкать?! Мне его мать с отцом купили, а не ты!

Мать плачет...

Она прямо-таки навзрыд, очень горько сейчас рыдает из-

за испорченного платья. Растирает ладонями пятно по груди и по животу. Слюнявит пальцы, пытается, оттереть слизь.

- Сууу-кааа! Сууу-кааа! – куражится отец с хриплой беспощадной насмешкой. – Сууу-кааа!

Мама стоит перед ним такая вся несчастная, вымотавшаяся. Уже и не знает, что ей ещё можно было бы сделать, чтобы прекратить это издевательство, чтобы заставить висельника заткнуться.

Взглядом она просит у Данила прощения за свою беспомощность. А сам Данил очень хочет ей хоть чем-нибудь помочь, но у него не получается распеленаться из большой, больше похожей на обычную простынь пелёнки, не получается выплюнуть приклеенную к губам соску, чтобы, хотя бы что-то ободряющее сказать. Он барахтается в здоровенной кровати-малютке и только мычит, как маленький ребёнок, ещё не научившийся разговаривать.

Мама проясняется лицом. Вот точно что-то новенькое пришло ей на ум. Это новый способ, как заставить папу замолчать?

Она куда-то уходит.

Папа вслед озабоченно вопит:

- Сууу-кааа! Сууу-кааа! Сууу-кааа!

Ну, как же так?! Ведь весь этот концерт теперь совершенно теряет всякий смысл без главного-то слушателя. Он даже потемнел от раздражения и досады, потемнел ровно настолько, насколько мог бы потемнеть и без того почерневший от

разложения труп.

Вскоре мама возвращается.

У папы ликующее воодушевление.

- Сууу-кааа! Сууу-кааа! Сууу-кааа! – теперь звучит ещё более учащённым ритмом извращённой мертвецкой музыки.

В руке у мамы мусорное ведро...

Странно, откуда оно здесь взялось. Ведро это из туалета в их городской квартире. В самом деле, не могла же она за полминуты съездить за ним в город, а потом возвратиться назад.

Взобравшись на стул, мать начала доставать из ведра использованную туалетную бумагу и кормить ею отца.

... - ууу-ааа! Ууу-ааа! Ууу-ааа! – из глумливо-радостного и насмешливого тон висельника приобрёл явно озабоченный и даже панический оттенок.

Эта сука теперь-то уже точно помешает ему «петь»!

А мать всё продолжала и продолжала закармливать отца перепачканными в фекалиях обрывками пипифакса.

Почти всё ведро бумажек с какашками, в общем-то, и ушло. Последние несколько штук торчали сейчас изо рта мертвеца, и он всё пытался проглотить их со всеми предыдущими порциями.

- Ну, вот, видишь, покушал и совсем же другое настроение, - сказала ему мама, уже после того, как сошла со стула, заискивающе глядя на папу снизу вверх.

А он всё тужился и тужился, как заправский обжора, про-

глотить остатки своего обильного обеда. Хотя, впрочем, были пока ещё не совсем понятны его ощущения.

В ожидании замерла мама, в ожидании с соской во рту в кровати-малютке замер и Данил.

Наконец, отец справился.

Тяжело вздохнув, как это обычно бывает после переедания, он удовлетворённо покачал головой и сытно рыгнул. Облизнул здоровенным чёрным языком уголки своего запачканного фекалиями рта, с улыбкой крикнул:

- Ням-ням...

... - Ну, да, ням-ням. Ням-ням пора уже давно.

Голос из ниоткуда. Но такой ясноразличимый. Ни матери и ни отца. Затем кто-то затряс Данила за плечо.

- Извини, дорогой, но у тебя самолёт уже меньше, чем через три часа.

Соска, эта чёртова детская соска-пустышка, наконец, отклеилась и вывалилась из рта. Данил инстинктивно попытался поймать её и... проснулся.

Прямо над ним стояла Катерина.

- Что тебе такое приснилось?! Чего ты там ел во сне такое вкусное, что ням-ням всё время повторял?

Данил пальцами протёр уголки вокруг своего рта, посмотрел на пальцы. Чистые... слава богу!

Катя весело засмеялась:

- Если ты только мне сейчас заявишь о том, что ты уже наелся, я тебе этот твой завтрак, что давно уже остыл на сто-

ле, размажу по голове.

Глава 2

Неприятности "крутого"

Со стороны, они были сейчас похожи на сладкую парочку из какого-то старенького американского фильма про кабаре. Таковой они, впрочем-то, и являлись. Но только в данный момент тот разлад, который между ними произошёл, грозил самыми серьёзными последствиями для их будущего: и как для просто любовной пары, и как, может быть, через какое-то время, для их очень даже вероятного официального статуса мужа и жены. Кажется, Родион не был против этого. Но вот только чётко никак не мог определиться, когда же именно ему и Елене удобнее всего можно было бы пожениться.

Сходство со сладкой парочкой из ретро кинофильма им придавала в большей степени ни что иное, как одежда: у Елены – длинное, почти до пола, темно-зелёное вечернее платье в броских серебряных блёстках, а у её кавалера – чёрный смокинг с контрастными шалевыми белыми лацканами. Правда, модерный, не так прямо уж идеально приталенный, как должно быть в классическом английском варианте. Там это достигается посредством применения двух шлицов сзади.

Но всё равно, если бы машина, в которую они минуту тому назад сели была бы не чёрным BMW X6 третьего рестайлинга 2026 года, а, к примеру, Кадиллаком Eldorado 1953 года или же Понтиаком GTO 1964-го, то Родион и Елена вполне сошли бы за путешественников из прошлого времён патлатых Битлов или даже самого Фрэнка Синатры. Надо было бы им ещё манерно напевать себе под нос какую-нибудь песню, типа, «I've Got You Under My Skin» или же «Come Fly with Me» и всё – точно ребята не из нашего времени.

Всё это могло бы отвлечь случайного постороннего наблюдателя от того, что этот их отъезд из очень дорого ресторана фешенебельной гостиницы, гостеприимно открывающей свои массивные двери из натурального цвета «Коньяк» с глубокими, насыщенными тёмно-коричневыми оттенками лишь перед самой элитной публикой, было чем-то сродни... побегу.

- Ты вообще с головой своей дружишь?! – одной рукой выруливая с закрытой прилегающей территории отеля, другой своей огромной лапищей Родион активно жестикулировал сейчас прямо перед лицом обиженно насупившейся подруги. – Ты дура?! Не понимаешь, что и кому можно говорить, а что нельзя?! Да этот же Игорь Степанович... да он... Ты себе не представляешь, не представляешь, кто он! И что может!

- Трахнуть меня, например, - глаза Елены хищно вспыхнули двумя тигровыми огоньками.

- Можно было мягко его отшить. Нужно было. А ты? Что ты?! «Я с мужчинами с замашками и интеллектом питекантропа предпочитаю не общаться».

Последнюю фразу качок за рулём дорогушей тачки произнёс высоким блеющим голосом, передразнивая Лену.

- А ты видел, куда он свои грязные руки, когда мы танцевали тот чёртов вальс, мне положил?! Что, я должна была ему в этот момент, да, пожалуйста, сказать?!

Родион резко затормозил. Лена посмотрела на дорогу и тут же зажмурила глаза. Прохожий, - молодой парнишка лет двадцати, как и полагается по правилам дорожного движения, пешком перевозивший через «зебру» свой электровелосипед, - едва ли не оказался под колёсами, едва ли не наехавшей на него «Бэхи».

Нет, всё-таки Родион, хоть и затормозивший в последний момент, бампером его легонько пнул. Но так, что парень даже не упал на асфальт вместе со своим двухколёсным транспортом, в большей степени он испугался, нежели пострадал.

С полминуты хозяин электровелосипеда в шоковом состоянии, не мог ни слова сказать, ни с места никуда сдвинуться.

- Чё там, братишка? – высунулся из окна своей машина Родик. – Чё педали не крутим?

- А? Что?

- Я говорю, катись с дороги пёрышком.

- Ты на меня наехал, - в голосе едва ли не пострадавшего

на пешеходном переходе молодого человека, по-видимому, начинающего уже приходить в себя, появились нотки угрозы.

- Ага, и чё?

- Ты наехал на меня, я говорю.

Парень вместе с великом поковылял к водительскому окошку «Бэхи». По нему было видно, что, с одной стороны, он очень недоволен таким развязным поведением виновника, а с другой, этим своим неуверенным выражением на лице, совершенно не знал, что сам-то может с этим поделать.

- Ну, хорошо, я на тебя наехал, - Родион вытащил из бардачка ствол и наставил его вплотную на незнакомца. – Признаю. Так давай, тогда, я тебе ещё, к примеру, в глаз выстрелю. Хочешь? Или нахрен член отстрелю. Ну, так что, где тебе ещё одна дырка не помешает, а?!

- Не надо, пожалуйста.

- А чё не надо-то, давай.

- Там, сзади...

- Чё, сзади?!

- Люди в автобусе видят, как вы меня... застрелить хотите.

Родион обернулся. За его BMW уже выстроилась небольшая колонна из трёх машин, а перед ними рейсовый ПАЗик. Никто не сигналил, все водители покорно ожидали окончания разборки.

Родион нехотя убрал пистолет в органайзер, между своим сидением и сидением, где сидела Елена, стеклоподъёмником

поднял стекло и снова продолжил движение по шоссе.

Девушка рассмеялась нервно, громко и долго. Через какое-то время, вроде как смех её начал затихать, но потом разразился с новой силой. Она едва ли могла успокоиться в течение минут пяти. И дело тут было не только в фарсе с этой зажигалкой в виде макета настоящего пистолета крупного калибра марки Desert Eagle от израильской компании Israel Military Industries. Дело было ещё и в до сих пор очень болезненно ощущаемых старых детских травмах. Память Елены упорно продолжала не желать забывать о тех давних горьких обидах.

- Ботаничка, ботаничка, очконавтка и затычка!

Этот ущербный, которого Родион чуть не сбил на «зебре» напомнил ей... её саму. Слабый, трусливый, беспомощный и жалкий. А разве не такой же самой когда-то была и она сама? Тогда, учась в школе.

Нескладная очень худая фигурка, рост баскетболистки для своего возраста, ярко-рыжие от природы волосы и огромные почти круглые очки. Ну, разве ж могла такая «симпотяжка» не подвергаться постоянному буллингу со стороны одноклассников? И они постоянно, каждый день методично и жестоко издевались над ней.

Лишь уже ближе к выпускному классу ситуация постепенно начала меняться к лучшему. Вместе со всё более и более расцветающей внешностью Елены. Теперь уже почти все её недавние обидчики, наоборот, очень бы хотели с ней дру-

жить.

И подружки тоже появились. Вот так вот вдруг. Те милые девочки, которые раньше в её сторону разве что плюнуть лишь могли.

В более взрослом периоде жизни, когда она начала уже выбирать себе парней не просто ради общения и, максимум, для нескромных поцелуев по кустам и подворотням, а для более серьёзных отношений, Елена сама за собой заметила то, что её тянет-то ведь исключительно лишь к сильным юношам: уверенным в себе, способным на поступки, пусть и не всегда хорошие.

Так однажды в её жизни появился Родион.

Родион, которого отец – профессор Ленского педагогического университета и мама – доцент кафедры Экологии того же вуза просто на дух перенести с первого же взгляда не смогли. Которого они мечтали никогда бы не увидеть рядом со своей единственной дочерью.

А её, несмотря ни на что, увлекал этот с виду несколько туповатый амбал. Притягивал к себе, как магнит притягивает металлическую стружку. Не только накачанными мышцами, но ещё и силою иного плана. Это сила духа, это сила, дающая способность всегда занимать её хозяину лидирующее над всеми положение.

- Успокоилась? – в тоне Родиона по-прежнему звучали претензия и недовольство.

- Зачем ты мальчика зажигалкой своей так напугал?

- Что?! Это мы сейчас за того лошкопеда ещё тут говорить начнём?!

- Можно обсудить что-нибудь другое, - деланно безмятежно пожала плечами Елена. - Ну, не знаю. Например, суть доктрины Монро. И как она повлияла на внешнеполитический курс США в девятнадцатом веке.

Родион в сильнейшем раздражении с силой ударил несколько раз по рулю:

- Да что ж ты за дура-то такая?! Как! Как! Как можно так тупить?!

- Да, извини, родной, затупила я – отшила старого мудака. Надо было пойти с ним в его номер. А чтобы нам было бы удобнее трахаться, ещё и тебя с собой захватить – свечку подержать, - Елена почти уже визжала. – Ты, вместо того, чтобы в рожу козлу этому похотливому дать, сейчас хвост тут под себя поджимаешь, как ссыкун какой-то!

- Ты вообще берега попутала, шмара?!

- Что?! Да как же ты... Как ты можешь говорить так?! Как смеешь?!

- Какого хрена ты сама тут язык свой распустила до колена?!

- А что я разве не права?

- Не права насчёт чего, бля?! – Родион резко повернулся в сторону девушки.

Той, наверное, стоило б сейчас поубавить тон, чтобы попытаться сгладить чересчур уж накалившуюся в машине об-

становку. Но тогда б это была бы не Елена.

Не задумываясь о возможных последствиях из-за собственной горячности, она нанесла уже вконец рассвирепевшему любовнику умопомрачительнейший для него моральный апперкот.

- Ты ещё хуже этого лошкопеда с великом. Тот хотя бы не обоссался, когда ты на него чуть не наехал, а у тебя же, я смотрю, вот-вот намочатся от трусости штаны. Так, извини, переодеться будет не во что, ты же не позаботился взять с собой запасные штанишки и трусики, бедный мой Зайка!

Резкий визг тормозов. Если бы девушка не была бы пристёгнута ремнём безопасности, то, ничто бы её не спасло сейчас от сокрушительного удара головой об лобовое стекло.

На Родиона было страшно смотреть. С таким видом, какой был в эту минуту у него, убивают людей! В лучшем случае для жертв, дело обходится переломанными рёбрами и расквашенной носовой перегородкой.

- Не надо, пожалуйста, - то ли прошептала, то ли пролепетала беззвучно одними лишь губами перепугавшаяся на смерть Лена.

А могучий огромный кулак уже был над нею занесён.

Сейчас от девушки останется мокрое место. Она после такого избиения-то сможет ли вообще когда-нибудь ходить?

...Что-то очень уж долго ничего не происходит.

Елена, свои инстинктивно зажмурившиеся глаза начала очень осторожно, - как будто они могли послужить ей ка-

кой-то защитой, - и очень медленно приоткрывать.

Именно в этот момент открывается дверца «бэхи» с её стороны и оттуда всю свою ста килограммовой массой наваливается Родион.

Схватив рыжеволосую ничего не понимающую красотку на руки, он вытаскивает её наружу и, как какой-то мусор, спихивает на пожухлую траву, росшую за обочиной.

Лене едва ли удалось не лечь на грязную пыльную растительность всем телом – плашмя, спасти дорогушее вечернее платье от полного загрязнения.

Из всех автомобилей, проезжающих в это время мимо, не остановилась ни одна, чтобы помочь пострадавшей от агрессивных действий этого на вид довольно-таки жутковатого с виду почти двухметрового здоровяка. Если не считать старых «Жигулей» с семидесятилетним пенсионером за рулём и его такой же пожилой женой астматичкой, сидящей рядом. Они хотя бы сбавили скорость и сигналили, сигналили, думая тем самым спугнуть подонка.

На этом можно было бы с покотившей, да, всё-таки покотившей дальше дряхлой супружеской парой в нашей очень длинной и очень долгой ещё истории и расстаться, и даже нужно было бы, наверное. Но из уважения к их возрасту, а главное к смелости, гораздо большей, чем у всех прочих свидетелей сего происшествия, наша обязанность всё-таки сказать о стариках ещё несколько слов.

Слов трагических, к сожалению и на беду...

Из-за пережитого очень сильного стресса от увиденного; так не вовремя закончившегося ещё на даче ингаляционного лекарства и получасовой езды до больницы женщина... скоростно помрёт.

Когда её мужа в этом окончательно и бесповоротно заверят врачи, у него тут же случится обширный инфаркт, тоже с летальным исходом.

Страшно и красиво. Вот так вот три дня тому назад отметить Золотую свадьбу и вскоре умереть вместе с любимым человеком в один день...

Тем временем, рассерженный амбал уже собирался было проучить рыжую сучку хотя бы несколькими убедительными оплеухами, потому что нужно было спустить с себя пар, но этот раздолбанный жёлтый «Жигулёнок» с «взорвавшимся» клаксоном – чёртовый «Жигулёнок», он заставил-таки разнервничаться.

Больше Родион Елену не тронул.

Едва справившись со своей почти естественной нуждой немного порукоприкладствовать, он вернулся за руль своего чёрного BMW X6 третьего рестайлинга 2026 года и поспешил сделать невозможное – этой своей навороченной привлекающей внимание тачкой, слиться с общим потоком машин на шоссе.

Угадал, не подвело чутьё. Уже через минуту по встречной полосе промчалось сразу два полицейских автомобиля.

Елена же опомнилась лишь тогда, когда Родион уже отъе-

хал метров на сто пятьдесят. И только сейчас крикнула вдогонку:

- Скоро стемнеет, идиот!

Потом девушка поспешила поднять с земли свою сумочку. Какое счастье, что она не осталась там – в «бэхе», а зацепившись длинной кожаной ручкой за её каблук, так удачно вывалилась наружу.

Хотя бы были сейчас деньги. Деньги, чтобы заплатить за проезд.

За такси, наверное?

Невдалеке была автобусная остановка. Удобнее будет определиться со своим местоположением там.

Некоторые проезжающие мимо автомобили сигналили. Явно ей. В такой яркой одежде красивая молодая женщина, одна на шоссе, точно ж думали, что она представительница древнейшей профессии.

И это было стыдно.

Елена поспешила к остановке, не оглядываясь по сторонам. Поспешила настолько, насколько ей позволяли эти её туфли на высоченных каблуках цвета лайма совершенно неудобные для хождения по каменистой с рытвинами и ухабами обочине.

Шагая, она только об одном думала сейчас, чтобы ни одна машина не остановилась рядом, и никто не посмел бы ей предложить заплатить за секс.

На остановке в укрытии бетонного навеса, подпёртого

двумя квадратными колонными спереди и глухой, с облупившейся светло-синей краской, стеной сзади, сидели на лавочке в ожидании рейсового автобуса две пожилые особы, имевшие наглость вполголоса сразу же и обсудить доковылявшую только что сюда Елену.

- Смотри, какая красивая.

- Да какая же она красивая-то?! Не видишь, что ли, это проститутка.

- Господи, царица Небесная Матушка! А где она такое блестящее платье себе купила?

- Ну, так валютная, наверное, она.

Что-то объяснять старым дурам для Елены было бы ниже её достоинства, а уж тем более начать сейчас ругаться с ними. Не обращая на неприятных старушек никакого внимания, она набрала номер такси:

- Нужна машина в пригород. Я жду на автобусной остановке Андрусово. Та, что в сторону города.

- Заказ ваш принят. Время ожидания, примерно, пятнадцать минут. Стоимость проезда составит...

- Да мне вообще по фигу, сколько будет стоять, пусть уже машина, вашу мать, приедет быстрее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.